

Владимир Григорьевич Колычев

В мире животных

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8333363
Владимир Колычев. В мире животных: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-73687-4

Аннотация

Преуспевающий бизнесмен Анатолий Ромин попадает в очень неприятную ситуацию. У его любовницы вдруг объявляется брат-уголовник по кличке Баян, который начинает требовать денег в качестве компенсации за поруганную честь сестры. Ромин организывает переговоры с представителем криминального мира, напивается там до беспамятства, а когда приходит в себя, обнаруживает, что уголовник зверски убит. Бизнесмен абсолютно уверен, что он Баяна не убивал, а вот у сотрудников правоохранительных органов другое мнение. Все улики говорят о виновности Ромина. Теперь ему грозит срок за убийство...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Колычев

В мире животных

Глава 1

Двухэтажное здание из белого кирпича не должно было казаться мрачным и угрюмым, особенно в ясную погоду, но именно такое тягостное впечатление оно и производило. Большие зарешеченные окна, более чем наполовину заложенные красным кирпичом, колючая проволока на крыше и по верху бетонного забора, откатные железные ворота с желтым двуглавым орлом на них. Даже яркое солнце не могло справиться с темной аурой, витавшей над зданием городского следственного изолятора. Сколько людей сейчас за этими окнами – в тесноте, духоте и нужде. Все курят, от всех воняет – в камере не продохнуть.

Я тоже курю. В одной руке сигарета, в другой – бокал вина, за спиной – стройная молодая женщина в неглиже. Марина приближалась ко мне мягким покачивающимся шагом. Я уловил ее движение и отвернулся от окна. Все, нет мне больше дела до каких-то там арестантов. У них своя жизнь, у меня – своя. Может, и не все у меня так хорошо, как хотелось бы, но уж лучше быть здесь, в этой маленькой квартире, чем там, в зарешеченном здании за дорогой. Там курят от безнадеги, а я – от удовольствия, которое доставила мне Марина.

Она моя любовница, и наши с ней отношения длятся уже больше месяца. У нее в гостях я уже в четвертый раз. Для жены я на работе – срочный заказ, авральный режим после вынужденного простоя, все такое прочее. Завод мой действительно работает в субботу, но я был там только утром, по пути к Марине. И когда возвращаться от нее буду, заскочу на часок. Но для Варвары я там – с утра до вечера.

Жена у меня хорошая – добрая, милая. Но чересчур уж раздобревшая. Я никогда не любил женщин в теле, Варвара это знает, но с лишним весом борется без особого энтузиазма. Вроде бы и не запускает себя, но все уже не то. Никакого сравнения с той смазливой худосочной блондиночкой, которая выходила за меня замуж. Тогда, восемь лет назад, она молодой была, сочной, а сейчас ей тридцать два, первой свежестью уже и не пахнет. А эти жировые складки на животе, толстые бедра, вялая грудь... Ну никакого эстетического удовольствия в постели.

Зато Марина – худенькая, длинноногая, грудь красивая, упругая на ощупь. Густые длинные волосы каштанового цвета, гладкая смугловатая кожа, и на лицо она вроде бы ничего, хотя ничего выдающегося. Носик бы ей потоньше, а губки, напротив, попухлее, да и зубки неплохо было бы подправить...

Короткий халатик нараспашку, под ним шелковый полупрозрачный пеньюар с открытым низом. Деньги у меня есть, и я могу позволить себе побаловать Марину хорошим бельем. Правда, пеньюар этот – подарок с прошлого раза. А халатик – с позапрошлого. В этот раз я ничего ей не привез: решил сделать паузу. В конце концов, не за деньги же она меня любит.

– Скучаешь? – воркующе спросила Марина и, забрав у меня бокал, сделала глоток.

– Да нет, нормально все.

– И мне хорошо. А вообще, еще лучше, если семья есть... Когда мы поженимся?

Я, поперхнувшись, закашлялся, а она с удивлением и одновременно с возмущением посмотрела на меня:

– Ты меня что, не любишь?

– А разве мы с тобой не любовью занимались? – Мне ничего не оставалось, как свести разговор к шутке.

– Это несерьезно, – покачала она головой.

– Seriously. Секс с тобой – это очень серьезно.

У меня свой завод по производству стройматериалов, далеко не самое крупное предприятие, но тем не менее десятка два человек в подчинении. И я знаю, как работать с людьми. Даже чушь, поданная со всей серьезностью и с непреклонной уверенностью в себе, может показаться истиной в первой инстанции.

– Я не про секс, – поморщилась Марина.

– А я про секс. И я тебя в сексе люблю...

– А в жизни?

– А в жизни у меня есть жена... Блин! – хлопнул я себя по лбу. – Сегодня девять лет, как мы познакомились!

Не любил я ее и жениться на ней не собирался. Ни обещаний не было, ни даже намеков на это, а она вдруг завела разговор о замужестве. Неудобный для меня разговор, неприятный. И лучшим выходом из этой ситуации был тот, который пролегал через дверь. Одеться, собраться и уйти под надуманным предлогом. Уйти навсегда. И пусть Марина винит себя за собственную глупость.

Я уже обувался, когда в дверь позвонили. Она обогнула меня, открыла дверь, и я увидел, как через порог переступает рослый детина. Наголо бритая голова, массивные черты лица, крупный крепкий нос, тяжелая челюсть. Плечи не самые широкие, но руки мощные, кулаки убойные. За ним в прихожую зашел парень чуть пониже, но тоже внушительного вида. От них несло дешевым табаком, тройным одеколоном и застоялым перегаром.

– Здорово, сестренка! – Детина чмокнул Марину в щечку и широко улыбнулся мне, обнажив гнилые зубы. – Ну, держи краба, зятек! Лева!

Я совершенно не хотел здороваться с этим типом, но руку все-таки протянул, о чем тут же пожалел. Ладонь у меня не маленькая, пальцы крепкие, подкачанные кистевым эспандером, но детина сжал ее так, что захрустели суставы. От боли чуть слезы из глаз не брызнули.

– Когда свадьба, сестренка? – хлопнув меня по плечу, спросил он у Марины.

– Толя не хочет, – вздохнула она.

– Как это – не хочет? – возмущенно уставился на меня Лева.

Я задом втянулся в комнату. И сделал это не только потому, что в прихожей было тесно. Я готовился отбить удар, который, казалось, мог последовать в любую минуту. Да и страшно мне стало, чего уж тут говорить...

В школе я любил подраться, да и в армии, помню, с успехом отбивался от дембелей, чтобы не попасть к ним в рабство. И руками махать я умел, и комплекция у меня не слабая – сто восемьдесят два сантиметра ростом, широкие плечи, мощные ноги, крепкие кулаки. И еще живот рельефным был. Когда-то. Был. Сейчас на этом месте брюшко, и грудные мышцы также не просматриваются. А главное, боевой дух уже не тот. Я же знал, что такое драка и чем она может закончиться. А щеголять фингалом перед подчиненными желания нет. Да и две дочери у меня. Как я им на глаза с подпорченной вывеской покажусь? Вопросы появятся, скрытые насмешки. Зачем это мне?..

– Он сказал, что ему от меня нужен только секс!

– Секс? – скривился Лева. – Ты чо, фраер? Мою сеструху за шлюху держишь?

Только тогда я вспомнил про пистолет в оперативной кобуре на поясном ремне. Травматический «макарыч» не считался летальным оружием, но если резиновой пулей попасть в глаз...

– Даже не думай! – рыкнул детина, глянув, как моя рука легла на рукоять пистолета.

Я в замешательстве опустил руку. Чтобы попасть в глаз, пистолет нужно как минимум вытащить из кобуры, а детина уже сжал кулак, чтобы ударить меня с размаха. А в комнату

уже входил его дружок. Если они вдвоем обрушатся на меня, то подбитым глазом я не отделаюсь. Тут и челюсть могут сломать, и даже убить.

– Ты не быкуй! – мотнул я головой. – Давай поговорим.

– Поговорим? – задумался Лева. – Ну, давай поговорим... Деготь!

Обстановка в квартире старомодная. Сервант, большой круглый стол у окна, как было в доме у моей бабушки, на столе бутылка вина и легкая закуска. Не самое дорогое вино, но французское. А скуластый жлоб по кличке Деготь выгрузил на стол две бутылки дешевого портвейна. Видимо, Лева решил обмыть помолвку своей сестры.

А откуда он узнал о наших с Мариной отношениях? Откуда узнал, что его сестра поставит меня перед выбором? Похоже, весь этот спектакль спланирован и срежиссирован заранее. А это значит, что я попал...

– Ты мне вот что скажи, – начал он, – когда на Маринке женишься?

– Вообще-то я женат, и у меня двое детей.

– Если женат – разведешься. Дети пусть с матерью остаются.

– Я смотрю, вы уже тут все решили, – хмыкнул я.

– Что мы тут решили? – люто глянул на меня Лева. – Может, я и Маринку под тебя подложил?

Я покачал головой. С Мариной я познакомился сам. Случайно. Подвез ее на машине, разговорились, она меня на чай пригласила, я не отказался...

– Сам на Маринку залез, сам на ней и женишься, – процедил он.

Я мог бы сказать, что не женюсь. И еще мог бы пригрозить Лева местным бандитским авторитетом, чья охранная фирма обслуживала интересы моего предприятия. Я платил Селифану за охрану и в принципе мог обратиться к нему за помощью. Но зачем лезть в эти дебри, если можно пойти на хитрость?

– Ну, сначала развестись надо. А это время...

– Месяц мы тебе дадим.

– Хорошо, – кивнул я.

Главное сейчас – уйти от общения с Левой, а там – трава не расти. Ну, раздумал я разводиться с женой, что здесь такого? Сначала согласился, а потом передумал... Но как вырваться из этого бедлама?

– Кинуть меня хочешь? – пристально посмотрел на меня Лева, словно прочитал мои мысли.

– Кинуть? Да нет...

– Хочешь. Я же вижу, что хочешь... А может, на кулаках давай? Если размажешь меня, то свободен, если нет... А может, на ножках? – Лева сунул руку в задний карман брюк, вытащил оттуда выкидной нож, нажал на кнопку.

Лезвие выскочило с приглушенным щелчком, тускло блеснув на свету, и мне стало немного не по себе.

– Можешь ствол достать, – ухмыльнулся Лева. – Что там у тебя, травмат? Ну, давай, посмотрим, кто кого?

Он готов был ударить уже сейчас, а мне нужно было время, чтобы вытащить пистолет, привести его к бою. Ситуация для меня проигрышная, поэтому ее лучше не обострять.

– Я же сказал, что буду разводиться.

– А куда ты денешься? – злорадно ухмыльнулся Лева. – Я от тебя не отстану... Кому ты там собрался жаловаться?

– Жаловаться?

– Вот только не надо мне тут глаза закапывать? Я ж тебя, гниду, насквозь вижу! Ты кому за «крышу» отстегиваешь, Селифану? К нему и пойдешь, да? Только знай, что мы с

Селифаном одну зону топтали, он меня хорошо знает. И я здесь всех знаю. И на тебя коны набил. Фуфло ты, – презрительно усмехнулся Лева. – Под крутого косишь, а сам фуфло...

Я растерянно смотрел на него. Под крутого я не косил, тут он зря... А может, и косил, но в меру. Я же бизнесмен, у меня свой завод, дом в городе, «Мерседес» М-класса, негоже мне ходить как лох с поджатым хвостом.

Но откуда Лева все это знает? И что, если Селифан не подпишет против него? Не так уж я и крут, если разобраться. Обычный бизнесмен. И завод у меня маленький, скорее, цех по производству пенобетонных блоков. И дом так себе. И «Мерседес» порядком подержанный... И связей в криминальном мире нет, а это бы мне сейчас очень пригодилось.

– Ну, так что, кидать меня будешь? – угрожающе усмехнулся Лева.

– Я же сказал, что буду разводиться...

– Месяц тебе сроку. Если нет – пеняй на себя.

Я кивнул. Угрожал мне Лева, а это, считай, шантаж, уголовщина. Что, если ментов на него натравить? И заявление накатать можно, и деньгами подмазать, чтобы дело как по маслу пошло.

– А к ментам обратишься... – вдруг сказал он и выразительно провел тупой кромкой ножа по своему горлу. – Лева Баян слов на ветер не бросает. Если не веришь, можешь коны набить, тебе скажут...

– А если я не хочу жениться на Марине? – с опаской выдавил я.

– Не хочешь – заставим... Ничего так просто в этой жизни не бывает. А не хочешь жениться – плати!

– Сколько?

Я не знал, радоваться или хвататься за голову. С одной стороны, хорошо, что дело опустилось до банального вымогательства, но с другой – мне вовсе не хотелось раскошелиться. Не так уж просто достаются мне деньги, чтобы разбрасываться ими.

– Ну, Марина у меня женщина дорогая... Думаю, пятьдесят штук будет нормально.

– «Зеленью»?! – спросил я, чувствуя как холодная рука «жабы» сжимает хватку на моем горле.

– Да нет, «рябчиками» можно...

Я едва сдержал вздох облегчения. Пятьдесят тысяч – деньги немалые, но тому же Селифану пришлось бы заплатить больше. Да и к Васе Громову обращаться опасно, как бы он там дров не наломал...

– Многовато будет.

Я не был бы бизнесменом, если бы с ходу согласился на такую цену.

– Ну, хорошо, пусть будет сорок, – снисходительно усмехнулся Лева. – Сорок штук в месяц, и никаких проблем.

– В месяц?! – шалея от возмущения, простонал я.

– А жене ты каждый месяц деньги приносишь?

– Тридцать в месяц, и по рукам!

Но на этот раз детина соглашаться не стал. Напротив, он принял игру и повел ее на повышение ставок:

– Пятьдесят.

– Э-э...

– Хочешь шестьдесят?

А он мог поднять ставку и до шестидесяти тысяч, и до семидесяти, а там и до ста недалеко.

– Считай, что развел... – с досадой махнул я рукой.

– Лоха! – с обидной ухмылкой добавил он.

– Поеду я.

– А деньги?

Я достал из кармана бумажник, вынул оттуда двадцать тысяч – все, что у меня имелось.

– Остальное в следующий раз. – И, злобно глянув на Марину, направился к двери.

– Маринка тебе хорошей женой будет, – ухмыльнулся мне вслед Лева. – Раз в месяц.

Когда деньги заносить будешь. На содержание, ги...

Моя машина стояла на месте. Хотя одна приятная новость.

Еще три-четыре года назад я бы ни за что не оставил машину во дворе дома без примотра. Или угнали бы, или как минимум обнесли. Но сейчас уже не та ситуация. Бандиты уже не беспредельничают, «крышами» не давят, ну, приходится за охрану платить, но это уже не так накладно, как прежде. Расценки за это дело отнюдь не грабительские. И на улицах порядка стало больше. И машины угоняются куда реже. Работают менты. Худо-бедно, но работают.

И Лева должен понимать, что за вымогательство можно получить по шапке. И вряд ли он такой крутой, каким хочется казаться. Ну, здоровый, ну, быкастый, но таких много, и если каждому платить, то никаких денег не хватит...

Не буду я Марине деньги завозить. И скорее всего, Лева даже не заявится ко мне. А зачем, если он и без того содрал с меня двадцать штук? Для такого голодранца, как он, и это большие деньги. Для него это уже победа...

Я уже почти успокоил себя, когда вдруг увидел гаишника, который тыкал в мою сторону своим жезлом. Мне ничего не оставалось, как нажать на тормоз. И сделал это я нервно. Крепким оказался портвейн, предложенный Левой. И хмель в крови я чувствовал, и окна в машине слегка запотели. Да и запах стоял... Гаишник приближался ко мне с каверзной улыбкой. Учужал он мое состояние. И очень скоро унюхал его. А денег, чтобы заплатить ему, не было.

Я не стал отрицать свою вину, объяснил ситуацию с деньгами и попросил немного подождать. Дескать, через полчаса буду, привезу пять штук. Или десять. Или пятнадцать. Но гаишник лишь качал головой и выпячивал губы, слушая меня. В итоге забрал у меня права, а машину отправил на штрафстоянку.

Отличный сегодня выдался денек!

Глава 2

Боковой в голову, прямой в корпус. Бум! Бум!.. Удары у меня мощные, и жаль, что под ними сотрясается всего лишь боксерская груша. С каким бы удовольствием я бы вломил проклятому Лева! Как лоха развел меня этот гопник. И еще раскошелиться пришлось, чтобы права выкупить и машину со штрафстоянки забрать. А дела у меня с бизнесом неважно идут. Доход вроде бы стабильный, но не такой, как хотелось бы. Пятьдесят тысяч для меня деньги вроде бы и небольшие, но и расставаться с ними за здорово живешь не хотелось. Да я и не расстаюсь. И к Марине больше ни ногой. А если вдруг Лева наедет, я поговорю с ним как мужик с мужиком. Прямой в корпус, апперкот в голову. И ногой в печень. Бам! Бам!..

Не так уж и крут он, этот Баян. Я навел о нем справки: обратился к своему однокласснику, который работал в прокуратуре, объяснил ему ситуацию, попросил совета. Ну, и денег немного дал. Вадим сначала узнал, кто такой Баян, а затем посоветовал не связываться с ним. Во-первых, Марина реально его сестра. Двоюродная, но сестра. И здесь без обмана. Лева имел моральное право заботиться о Марине, заступаться за нее. А во-вторых, факт вымогательства доказать будет проблематично. И Лева, и Марина повернут дело так, что это я предложил загладить деньгами вину перед ней. А еще они могли обвинить меня в изнасиловании. Как сказал Вадим, я еще должен был поблагодарить их за то, что меня не окунули в «рады жизни» сто тридцать первой статьи Уголовного кодекса. А в-третьих, Лева Баянов действительно был уголовником. Он отсидел шесть лет за разбой. Правда, к Селифану отношения не имел, во всяком случае, одну с ним зону не топтал. И все равно с ним лучше не связываться.

Не так страшен черт, как его малюют. Бам! Бам-Бам! Бам!..

Я выбился из сил, остановился, смахнул пот со лба и только тогда заметил симпатичную женщину в майке и коротких спортивных шортах. Она заворуженно смотрела на меня, но, когда наши взгляды встретились, резко отвернулась и что-то пробормотала. Вроде как извинилась за чрезмерное любопытство.

У нее на руках были перчатки для микс-файта, маленькие, с открытыми пальцами. Неподалеку висела груша, к ней она и подошла. Встала ко мне спиной, ударила по снаряду раз, другой. Она точно не боец. Удары слабые, хлипкие. И некому ее поправить. Это фитнес-клуб, здесь, если тренера не оплатишь, к тебе никто не подойдет. Мне тренер не нужен, а ей не мешало бы взять пару... десятков уроков. А еще лучше – сотню...

Финтес-клуб «Аполлон» открылся совсем недавно, клиентов пока немного, и меня это очень устраивало. Зал большой – в одной половине тренажеры, штанги и прочее железо, в другой – напольный боксерский ринг, груши, макивары. И всего четыре человека на весь зал. Красота!

Я передохнул и снова обрушился на грушу. Бил по всем правилам науки, но неторопливо, чтобы вдруг не сбиться с ритма. Мне очень хотелось, чтобы незнакомка снова посмотрела на меня, вот и рисовался перед ней.

Не везет мне в последнее время. Вроде бы и завод есть, но дела не очень. По сравнению с Витей Булаховым. Вот у него завод настоящий – там несколько цехов, несколько сотен человек персонала, объемы, масштабы. Причем есть и другие заводи – вроде моего. А какой дворец себе отгрохал! В гости к нему съездишь, а потом целую неделю сам не свой ходишь от зависти. Нет, я пытаюсь бороться с этим чувством и против Булахова ничего не имею, но не нравится мне такое положение вещей. Мне самому бы хотелось зарабатывать столько же, да как-то не складывается. Два года назад пытался расширить производство, построить второй цех, взял кредит в банке, а тут вдруг проблемы со сбытом возникли да цемент резко подорожал. В общем, фундамент под цех поставил, и на этом все и закончилось.

Зато как завязал с этим проектом, так все и наладилось. И сбыт стабильный, и прибыль вполне себе. Хотя хотелось бы и больше...

Хорошо поднялся Витя. И особняк у него роскошный. А какая у него жена – красивая, стройная, что-то чуть больше двадцати лет от роду, а ведь он старше меня на два года... И еще любовница вроде бы есть. Напрямую он мне об этом не говорил, но намекал. Он вообще любит похвастаться, но не врет. А зачем ему пускать пыль в глаза, если он может позволить себе все...

А я даже любовницу позволить себе не могу. Попробовал разок и обжегся. Будь он неладен, этот Баян.

Удар, еще удар! Это Лева! И ногой в пах! Это Вите! Нет, я против него ничего не имею, но пусть он от баб немного отдохнет. Не все коту масленица, иногда и на постном хорошо посидеть...

Я остановился, неторопливо повернулся к женщине. Она действительно смотрела на меня. И на этот раз отвернулась плавно, только головой повела так, что стянутые резинкой длинные темно-русые волосы перемахнули через плечо. Как будто конский хвост взмахнулся.

Женщина уже не молодая, наверняка больше тридцати. Но фигурка у нее отменная – хрупкие плечи, тонкая талия, узкие бедра, длинные стройные ножки. Но главное, она была очень похожа на мою первую любовь. Это было в Крыму, где я отдыхал с родителями в далеком восемьдесят четвертом году. Я тогда был сопляком, поэтому втрескался по самые уши. Любовь давно прошла, но волнующие ощущения еще остались. И они всколыхнулись во мне – хотя и не настолько сильно, чтобы терять голову.

Не должен я был знакомиться с этой женщиной. Случай с Мариной многому меня научил, и будет глупо, если я снова наступлю на те же грабли.

Но эта женщина была по груше так нелепо, а дать совет ей некому...

Я подошел к ней, встал рядом и со всей силы ударил по груше. Женщина остановилась, повернулась ко мне, отступая на шаг, и в глазах ее мелькнуло восхищение.

– Так Тайсон вырубает своих врагов, – с важным видом изрек я.

– Тайсон? Майкл Тайсон? А разве он дерется на ринге с врагами?

– А разве нет?

– Я думала, на ринге сходятся противники, соперники.

– К противнику нужно относиться как к врагу. Только так можно победить.

– Ну, не знаю. Вам, наверное, виднее...

– Анатолий, – представился я, чтобы избежать дальнейших каверзных вопросов.

– Кристина, – улыбнулась женщина.

На руках у нее были перчатки, и я не видел обручального кольца. Но если оно и было, то на левой руке, как у разведенки. Возможно, я ошибался, и Кристина была замужем, но взгляд у нее, как у женщины, которая в поиске спутника жизни...

– Я с Майклом Тайсоном не дрался, но кое-что показать могу...

Из фитнес-клуба мы вышли вместе.

– Вы на машине? – спросил я.

– Нет. Мне тут недалеко, – с улыбкой показала она в сторону многоэтажных домов.

– А мне на работу.

– Ну, тогда до новых встреч!

Она протянула мне руку для пожатия, но я, не удержавшись, нагнулся и поцеловал ее. Кристина нежно улыбнулась, повернулась ко мне спиной и зацокала на каблучках к своему дому. Изящная, грациозная, походка красивая и такая естественная, как будто она родилась на каблучках.

– Может, вас проводить?

Я понимал, что Кристина могла заманивать меня в ловушку, но сила ее притяжения показалась мне вдруг непреодолимой. Как какой-то невидимый поводок тянулся от нее ко мне. Сейчас это поводок натянется, и меня потащит за ней.

Кристина помахала мне, жестом показывая, что провожать ее не нужно. А у меня вдруг возникла потребность спросить, с чего это вдруг она решила заняться боксом, и я все-таки пошел за ней. Услышав мои шаги, она остановилась и выразительно покачала головой. Дескать, если я хочу сохранить добрые с ней отношения, мне следует повернуть назад. Хотя и без особого желания, мне пришлось подчиниться.

Я с трудом дождался следующего занятия. Но Кристина не появилась. И на следующий день ее не было. Тогда я сообразил, что в клуб можно ходить в любое время дня – хоть утром, хоть вечером. Весь день просидел в машине у фитнес-клуба, управляя производственным процессом по телефону, что грозило обернуться некоторыми проблемами, но мне нужно было увидеть Кристину. И я ее увидел.

Мы встретились. Поздоровавшись, она отправилась в женскую раздевалку. Я тоже пошел переодеваться, а войдя в тренажерный зал, увидел, как она разговаривает с немолодым уже мужчиной, который качал дряблые мышцы рук на силовом тренажере. Кристина просила его настроить электрическую беговую дорожку, которая стояла неподалеку. Просила с милой застенчивой улыбкой.

Мужчина поднялся со скамьи, чтобы заняться беговой дорожкой, но я осадил его резким движением руки, а другой рукой приобнял Кристину за плечо:

– Привет!

Мне даже хватило наглости чмокнуть ее в щечку. Кристина удивленно распахнула глаза, но ничего не сказала.

Сегодня она не стала заниматься боксом, у нее по плану был бег и силовые упражнения.

И сегодня мы выходили из клуба вместе. Я предложил ей свои услуги, показав на своей «Мерседес», но и в этот раз она отказалась, хотя на машину посмотрела с интересом.

– Может, в ресторан? – предложил я.

– Хорошая идея, – мило улыбнулась она.

Это была ее фирменная улыбка, в которой уже нетрудно было разглядеть фальшь. Особенно сейчас, когда Кристина, казалось, думала только о том, как отвязаться от меня.

– Только не сегодня.

– А завтра?

– Завтра у меня прогул, – кивком показав на клуб, ответила она. – Давайте послезавтра. В это же время.

– Я закажу столик.

– Да, конечно! – Она поспешно повернулась ко мне спиной, небрежно махнув рукой на прощание, и ушла, грациозно покачиваясь на каблучках.

Через день, ровно в половине седьмого вечера, я был у клуба. Расчет простой – час-полтора тренировки, потом уже ужин в ресторане. Столик я заказал и район выбрал, где вероятность нарваться на знакомых сводилась к нулю.

Но Кристина не появлялась... Разочаровалась она во мне. Сначала вроде бы и повелась, а потом что-то пошло не так. Где-то я сгруппировал, где-то просто переиграл. Да и не красавец я, честно говоря. И на лицо не очень, и двойной подбородок имеет место быть, и лысина у меня большая, потому и стригусь «под ноль»...

Я мысленно раскритиковал себя и пришел к мысли, что пора уезжать. Уже завел машину, как появилась Кристина. В красивом вечернем костюме под легким плащиком нараспашку. Из вещей у нее была только маленькая дамская сумочка. А где же спортивная сумка?

Я вышел к ней, весь дрожа от волнения. Ощущение такое, будто произошло чудо и сама Снегурочка назначила мне свидание. Сказочная Снегурочка из реального стриптиз-клуба...

– А я жду вас!

– Ждете? А разве я опоздала? – удивилась она.

– Ну, я думал, сначала тренировка...

– По-вашему, я могла отправиться в ресторан после тренировки?

Она смотрела на меня с милой насмешкой. Действительно, как она могла отправиться в ресторан без подготовки? А она подготовилась к свиданию – свежая прическа, полноценный макияж.

– Куда пойдем? – спросила она.

– Есть одно прекрасное местечко... Впрочем, прекрасным будет любое местечко там, где находитесь вы.

Она позволила проводить себя до машины, и я, открыв дверцу, помог ей сесть.

– Прекрасное местечко, – с лукавой улыбкой повторила она и нежно провела пальцами по крышке перчаточного ящика.

– Ну, если здесь вы, то да... Может, перейдем на «ты»?

– Ну, разве что после ресторана, – зажеманилась Кристина.

– Тогда обязательно перейдем, – сказал я, отпуская педаль тормоза.

Глава 3

Волосы пахли лавандой, кожа – розовым маслом, а темнота в комнате – интимом. Эта головокружительная смесь запахов срывала у меня «крышу». Кристина сама привела меня в свою квартиру. Она должна была понимать, чем все это для нее закончится, да и сама стремилась к этому.

Мы лежали в темноте на смятом покрывале, в окружении разбросанных вещей. За окном светил фонарь, вычерчивая на потолке причудливые узоры.

– Да? Но пахнешь как дюшес. И вкусная. И сочная.

Все-таки затащил я Кристину в постель. Правда, случилось это после нашего третьего по счету «культпохода» в ресторан. Я и о семье забыл, и денег на ухаживания не жалел, устремленно шел к цели, и в конце концов добился своего.

Я уже давно должен быть дома, но мне все равно. Пусть Варвара скажет спасибо, что я не собираюсь разводиться с ней. Как бы ни была хороша Кристина, бросать ради нее семью глупо. Непростительно глупо. И кое-какие чувства к жене сохранились, и две дочери у меня...

Я уже кое-что знал про Кристину. Тридцать четыре года, была замужем, разведена, есть сын, которого она отправила на лето к бабушке. Работает в коммерческой фирме главным бухгалтером, по этой части ее все устраивает. А в личной жизни проблемы, которые, как я понял, она пытается решить. Не зря же она в фитнес-клуб записалась, где можно закадрить успешного мужичка.

– Тебе, наверное, домой пора? – спросила она.

– Ну, в общем, да.

– Жене что скажешь?

– Как-нибудь, что-нибудь.

– Понятно.

– Если выгонит, к себе возьмешь? – скорее в шутку, чем всерьез спросил я.

Варвара меня не выгонит, это я точно знал. Не тот у нее характер, чтобы рот на меня открывать. Да и я не позволю себя выгнать. Дом строил на свои кровные, и вовсе не для того, чтобы оказаться на улице... Да, изменяю жене, но ведь она сама во всем виновата. Следить за собой надо – диеты, фитнесы...

Я усмехнулся. Неплохо было бы поставить в пример Варваре Кристину. Привести ее в дом и показать Варваре, как должна выглядеть женщина ее и даже более старшего возраста. Может, Варвару это проймет и она займется, наконец, собой?

Разумеется, вести Кристину домой я не стану. И демонстрировать ничего не буду. Пусть Варя роется в своих подозрениях, может, выкопает из них правильный вывод... А если выкопает, что с того? От Кристины я уже не откажусь. С женой разводиться не стану, но и эту женщину не вычеркну из своей жизни. Во всяком случае, сам на это не пойду...

– Не возьму, – покачала головой Кристина.

– Почему?

– На чужом несчастье счастья не построишь, – серьезно сказала она.

– Интересная мысль.

– Если уйдешь от жены, ко мне лучше не приходи.

Мне захотелось включить свет и посмотреть ей в глаза. Неужели она говорит это все на полном серьезе?

– Я не шучу, – словно почувствовав мои сомнения, добавила Кристина.

– Ну, если так, то не уйду.

– Ты взрослый мужик и понимаешь, что мне нужно устраивать свою жизнь. Но женатых мужчин я не ищу... Я думала, ты не женатый, а потом поняла...

– Поэтому от меня бегала?

– Ну, ты же меня догнал... Знаешь, я об этом не жалею. Ты такой дикий, что мурашки по коже...

– Повторить?

– Не сегодня...

– А когда?

– Я не знаю, – запахивая халат, пожала она плечами. – Давай послезавтра встретимся. В клубе.

– А почему не завтра?

– Я не могу ходить туда каждый день, у меня работа...

Мы договорились встретиться в клубе, на этом и расстались. Кристина поцеловала меня на прощание, но в глубине ее глаз я заметил холод. Она вроде бы и хотела меня, и все же, как вариант, я ее не устраивал. Ей действительно не хотелось разводить меня с женой, но и любовницей она быть не хотела: не тот возраст.

В клуб я приехал в назначенное время, а Кристина так и не появилась. Я позвонил ей, но она не ответила. Правда, вечером перезвонила, извинилась и пообещала исправиться. Я ей поверил и не пожалел о том. Мы встретились на следующий день в клубе, немного разогрелись на снарядах, а потом отправились к ней домой...

Боксерский мешок весил пятьдесят килограммов, и за полтора месяца из него не сыпалось ни грамма песка, но тем не менее за это время снаряд значительно полегчал. Во всяком случае, мне так казалось. Хотя я понимал, что на самом деле это мои руки стали сильнее. И удар тяжелее.

Мощный у меня удар, пробивной. И если вдруг попадет на моем пути Лева, я точно сломаю ему челюсть.

Может, Лева догадывается об этом, поэтому и не лезет ко мне больше. Сорвал двадцать штук и успокоился. Действительно, зачем ему проблемы с человеком, который может постоять за себя? Я ведь и сам челюсть сломать могу, и костоломов нанять, да и с ментами договориться не проблема. Лева все это понимает, поэтому и не вылезает из норы. И о Марине ничего не слышно. Наверняка нового лоха окучивает – братцу на поживу.

Но на Марину мне плевать. А вот мысли о Кристине холодили душу. Как-то не складывались у нас отношения. Вроде бы и хорошо нам вместе, но у меня своя личная жизнь, у нее – своя. У меня – семья, а она все в поисках спутника жизни. Может, потому и не пришла сегодня в клуб, потому что нашла себе достойного или не очень кандидата. А живет она недалеко, можно прямо сейчас зайти к ней. И зайду...

Я со всей силы ударил по мешку на уровне своей головы. Могу так же и этому кандидату морду набить.

– Bravo! – захолопал кто-то в ладоши у меня за спиной.

А голос знакомый.

Я обернулся. Точно, Лева. Новая футболка, черные фирменные треники, добротные кроссовки, и лицо кажется не таким дефективным, как в прошлый раз. От кондовой уголовщины остались только вытатуированные на запястьях кандалы, такие же чернильные цепи, обвивавшие предплечья, да и перстень с черепом никуда не делся. И все тот же лютый взгляд, подернутый ядовитой насмешкой.

– Хороший удар! – глумливо ощерился Лева.

– Какого хрена? – оскалился и я. – Чего тебе надо?

Лева сунул руку в карман и вытащил оттуда нож. Лезвие выщелкивать не стал, но крепко сжал левый кулак. Если что, сначала выбросит вперед эту кувалду, а там и клинок выскочит, после чего можно и ножом по горлу... А он умел бить ножом, в этом я почему-то не сомневался.

– Как что? За сестру пришел спросить. Она по тебе слезы льет, а ты не приходишь.

– Крокодиловы слезы? – с едкой усмешкой проговорил я.

Бить надо Леву, а я стою перед ним как вкопанный, и мне страшно. Реально страшно. И обидно. Только вот обида не взвинчивает злость, не бросает меня на нож... Не хочется погибать. В тридцать шесть лет жизнь только начинается...

Лева нажал на кнопку, и я услышал пугающий щелчок, с каким выскочило лезвие.

– Это кто крокодил? – сдавленно простонал он и шагнул ко мне: – Маринка?!

Я должен был встретить его прямым в голову. Точный удар в подбородок выбил бы его как минимум из колеи, а может, и в нокаут бы отправил. В любом случае прошло бы время, прежде чем он смог бы ударить меня ножом, и этим временем можно бы воспользоваться, но я отступил... Вдруг не смогу взять верх над Левою? Вдруг он и кулаком до меня достанет, и ножом кишки выпустит? А мне к жене надо. И к детям... Да и на работе столько дел незаконченных...

– Да нет, это идиома, – мотнул я головой.

– Это я идиот?! – снова шагнул ко мне Лева с перекошенной физиономией.

– Ты пику брось, поговорим! – как-то не очень уверенно сказал я. И не очень смело.

– Да не вопрос!

Лева сунул нож в карман и кивком показал на ринг:

– Пошли?

Он ничуть, казалось, не сомневался в своем превосходстве в кулачном бою. Мужик он мощный, кулаки убойные. И еще «башня» у него с трещиной, значит, и мозги сквозняками продуваются. С таким опасно связываться.

– Ну, пошли, – нерешительно кивнул я.

– Если я тебя уложу, сто штук с тебя. «Зеленью».

– А не жирно?

– Ладно, сто штук «деревом». За что, знаешь?

– Э-э...

Я не знал, что сказать. Лева казался мне очень грозным соперником, а сто тысяч долларов на дороге не валяются. Он ведь не слезет с меня, пока не скачает все до копейки... Сто тысяч – деньги немалые, а я в принципе уже мысленно расстался с ними. Не хотел отдавать, но уже настроился.

– И еще сто штук за моральный ущерб! – осклабился Лева.

– Не понял?

– А Марине зачем изменял? Она тебя любит, ждет, а ты на сторону гуляешь. Нехорошо, – глумился Баян.

– Я гуляю?!

– Ты. Жену не трогаем, с женой можно. А с фифой нельзя. Как ее зовут? Кристина, да?

– Ну, ты в натуре! – взбешенно взвыл я.

Всему есть предел, и я до него дошел. Мне вдруг стало все равно, что со мной будет, и я ринулся на Леву. Но бешенство, застилая глаза, снижает уровень самоконтроля. Нужно было ударить коротко, а я размахнулся, умножая силу удара.

Зато Лева ударил по самой короткой траектории. Из неудобного положения ударил, но мгновенно и точно в глаз – выдвинутым из кулака пальцем. При этом пропустил мой удар, нанесенный в голову не кулаком, как хотелось бы, а предплечьем. Но это его не остановило.

За первым ударом последовал второй, куда более мощный. А я уже ничего не соображал от боли, буквально взорвавшей мой правый глаз. Сильный удар в переносицу сбил меня с ног.

Но добивать меня Лева не стал.

– Хороший прием, да? – ехидно спросил он. – Я тебе еще не то покажу, Толик! Мы же друзья!

Баян работал на публику. Дескать, ничего страшного не произошло. Обычная ситуация из жизни боксерского зала – один боец продемонстрировал другому хитрый прием. Для его же пользы и продемонстрировал. Разумеется, чисто по-дружески. А раз так, то и вмешиваться нечего.

Хитрый он, этот Лева. И удар у него будь здоров, и реакция отменная... Опасный он противник, очень опасный.

Но и двести тысяч отдавать совсем не хотелось.

– Ты со мной так больше не шути, не надо, – грубо, но не зло сказал он, помогая мне подняться.

Увы, но мне нужна была его помощь. И глаз дико болел, и голова раскалывалась от удара в переносицу. Вставая на ноги, я оттолкнул его, и Баян сочувствующе проронил:

– Кажись, я малость переборщил. – А когда я молча направился к раздевалке, бросил мне вслед, играя на публику: – Ледяной компресс тебе нужен!

В раздевалку он зашел вслед за мной. Здесь его тон резко изменился:

– Двести штук с тебя. Готовь бабки, пусть они будут при тебе. Я сам тебя найду... И больше не дергайся, а то дико пожалеешь. Бывай!

Не помог мне бокс. И к ментам обращаться бесполезно... Неужели придется платить?

Глава 4

Ванильные булочки с изюмом – это нечто. Такие булочки могла готовить только Варя. Но ведь она и сама булочка. Да и я с ее подачи набирал лишний вес.

Но, увы, от булочки на завтрак я отказаться не смог. Разрезал ее ножом, намазал половинку сливочным маслом и, отправляя ее целиком в рот, заметил:

– Континентальный завтрак.

Я знал, о чем говорил. Мы в прошлом году побывали в Вене, в Праге, в Берлине. Тур у нас такой был. В Европе так и завтракают – ветчина, сыр, булочка с маслом, кофе или чай. Булочки там тоже вкусные, но постные, не сравнить с теми шедеврами, которые производит Варя.

– Мы в этом году никуда не поедим? – грустно спросила она.

Красивая она, в общем-то, женщина. Эти голубые глаза с большими ресницами, милые ямочки на щеках, волнующая линия носа, пухлые, четко очерченные губы. Но располнела она – и лицом, и телом... Да и приелась Варя, чего уж тут говорить. Потерял я к ней интерес.

– Ну, можно, – пожал я плечами. – Только не летом. Сезон прет, люди строятся, в две смены работаем... Может, осенью?

– Ну да, – в печальном раздумье кивнула она. – Осенью. В две смены.

– Да не осенью в две смены, а сейчас.

– Да какая разница? – махнула она рукой.

– Что – какая разница? – хмуро спросил я.

– Да ничего... – С унылой усмешкой глянув на мой синяк, Варя поднялась из-за стола, подошла к мойке, встала спиной ко мне.

– Что – ничего? Раз говоришь – говори! Ну, подбили мне глаз, и что? Тебе смешно? Ну-ну!

– Кто тебе сказал, что мне смешно?

– Да вижу, что смешно! А мне как-то не очень!

Ледяной компресс на глаз я ставить не стал, и, как оказалось, правильно сделал. Я пошел к врачу, он назначил мне лечение. Белок еще красный, но зрение уже почти восстановилось. И синяк с переносицы уже почти прошел. Если запудрить, то не разглядеть. К тому же я очки солнцезащитные ношу.

После инцидента с Баяном я не встречался с Кристиной и в фитнес-клубе не появлялся. Вечером – строго домой. И сегодня, скорее всего, вернусь вовремя. Если не потянет со страшной силой к Кристине. Я ведь и позвонить ей могу, и адрес ее знаю. Но синяк под глазом еще не прошел, да и краснота с белка не исчезла. Потерпеть немного надо.

Шаги за дверью легкие, крадущиеся, и к глазку кто-то приложился. Увидела меня Кристина, но дверь открывать не торопилась. За дверью моментально все стихло, дескать, нет никого.

Я набрал номер телефона, но Кристина не взяла трубку.

Как знал я, что не одна она дома. Чувствовал, подозревал, терзался... Но не уходил. Стоял, как парализованный, тупо глядя на глазок.

Марина меня кинула, Кристина ждет холостого и серьезного... Но, может, это и к лучшему? Может, пора осознать, что никому, кроме своей жены, я не нужен? Осознать это и врасти в свою семью всеми корнями. Чтобы никаких больше заходов на сторону...

Но как быть, если меня влечет к моей Кристине? Это уже не тяга к приключениям, это страсть к ней самой...

В двери вдруг что-то щелкнуло, и она распахнулась. В прихожей, в одних джинсах и с голым торсом, стоял Баян. На лице – издевательская ухмылка, на груди – татуировки.

Я смотрел на него с отвисшей челюстью.

– Дорогая, у нас гости! – гаркнул он в глубину квартиры.

Кристина не отозвалась, но ведь ясно, что этот урод обращался к ней.

Как же низко пала она, если впустила в свой огород этого козла. Не по его рылу ее капуста... Но, видимо, Кристина считала иначе.

– Ну чего стоишь? Заходи! – Баян отступил в сторону, пропуская меня в прихожую.

Не должен я был заходить в этот дом, но мне хотелось узнать у Кристины, как она опустила до этого уroda, хотелось заглянуть ей в глаза.

Дверь в спальню была закрыта, а в зале никого. Баян постучал в закрытую дверь, но Кристина не открыла ему. Стыдно ей.

Это ведь она подходила к двери, смотрела в глазок. Увидела меня и затаилась. Но Баян меня не боялся. Напротив, он только рад был унижить меня в очередной раз. Может, потому и закрутил с Кристиной, чтобы лишний раз мне насолить.

А он знал про Крестину. Знал. А может, он и с ней был в сговоре?..

– Кристина, ау! – Глянув на меня с издевательской улыбкой, Лева снова постучался в дверь.

А в ответ тишина. Не хотела Кристина видеть меня. Или стеснялась, или презирала. Может, Лева рассказал, как занимался боксом, используя меня вместо груши. Может, они вместе надо мной и смеялись. Два уroda – пара...

– Мы на кухне! Я скоро!

Баян с хозяйским видом провел меня в кухню, где был накрыт стол. Фрукты, цитрусовые, коньяк, сыр, сервелат. И еще Кристина подавала к столу жаркое. Для Баяна старалась...

А коньяк неплохой, армянский, пятизвездочный. Баян взял бутылку, достал из шкафа двухсотграммовый стакан, налил до половины и протянул мне:

– Пей!

Послать бы этого уroda к черту, но я выпил. Мне нужно было успокоиться, чтобы не наломать дров со злости.

– Деньги принес? – как о чем-то будничном, спросил Баян.

Я с ненавистью глянул на него. Сначала этот подонок разводит меня на деньги, затем избивает в спортзале, после чего оказывается у моей женщины. И после этого я ему еще что-то должен?

Но и Лева окатил меня ледяным взглядом.

– Я же сказал, что найду тебя. А если сказал, значит, лаве ты должен держать на старте! Чего непонятного?

Я мог бы послать его куда подальше, а он мог обрушиться на меня с кулаками, и здесь никого нет, кто бы помешал ему. Свалит меня на пол и забьет ногами до смерти... А мне к жене нужно, к детям. Черт с ней, с Кристиной, забить на нее надо, и домой, к семье. Никаких больше историй на стороне.

– Ну, есть у меня деньги... – Я достал из кармана бумажник, выгреб оттуда все, что там было, положил на стол.

– Сколько здесь?

– Восемьдесят. Может, чуть больше. Или меньше...

– Меньше. По-любому меньше. – Лева смахнул деньги, небрежно сунул их в карман. Немного подумав, снова плеснул мне в стакан. И себе тоже налил.

– Я не буду.

– Да? А я хотел отпустить тебе грехи, – криво усмехнулся он, – в смысле, долги... Или ты хочешь мне и дальше торчать?

Я покачал головой. Если есть возможность рассчитаться с этим уродом, то глупо ее упускать. И с ним разойдусь, и с Кристиной. Пусть живет как знает, пусть выходит замуж за уголовника, пусть мается с ним потом... А я буду жить со своей женой, ездить с ней на заграничные курорты и тратить там честно заработанные деньги.

И вообще, хватит ерундой заниматься, пора за дело браться. Время идет, а дело стоит. Витя движется вперед, а я топчусь на месте. Нельзя так. Ну, не получилось расширяться, но так и катастрофы не случилось. Все как было, так и осталось на мази. С кредитом рассчитался, поэтому не грех взять новый и на этот раз освоить его по уму. Цех достроить, оборудование закупить, людей новых нанять. А там и третий цех появится, четвертый... Глядишь, и Витю догоню.

– Эй, ты чего завис? – Лева щелкнул пальцами перед моим лицом. – Алле, гараж!

Я кивнул, поймав в фокус его мерзкую физиономию, и выпил, закусив кусочком колбасы. Сел, взял апельсин, стал его чистить.

– Ты это, не колотись, мужик. Нормально все. У тебя своя работа, у меня своя. Ты вон всякую хрень лепишь, от которой все разваливается, никто ж ничего.

– Что разваливается? – захмелело посмотрел я на него.

– Ну, дома, все такое...

– Пеноблоки я делаю, из них дома строятся. Не разваливаются, а строятся.

– Так любой дом можно разрушить. Или ты со мной не согласен? – ехидно ухмыльнулся Лева. – Кто-то строит, кто-то разрушает... Я тебя подчистую разрушить мог, ничего бы не оставил. Мог бы... Сегодня с Кристиной, завтра с твоей женой!

Я дернулся, но Лева, смахнув со стола нож, крепко взял его в руку. Средних размеров нож, кухонный, с гибким лезвием, но с лазерной заточкой. Таким запросто можно было убить. А мне умирать не хотелось. Пусть уж лучше умрет Лева. Не сейчас, потом.

Этот урод перешел грань, и я уже не имел права отступать. У меня жена, семья. Кате семь лет, Ире – пять, но такие ублюдки, как Баян, перед этим не остановятся. И Варвара может пострадать, и дочери...

Есть один старый знакомый, к нему можно будет обратиться. Он в спецназе ВДВ когда-то служил, голову в Чечне повредил. Ему человека убить, что плюнуть. И убьет, если заплакать. Пьет он сильно, поэтому и за ящик водки согласится Баяна завалить. Но я денег жалеть не стану...

– Да не дергайся ты, твою жену я трогать не стану, – снисходительно глянул на меня Лева, беря яблоко, и начал ножом срезать с него кожуру. – Я в такие игры не играю, потому что понятия имею... Я вот почему тебя твоей жене не сдал? Почему? Потому что понятия у меня... Да и денег я с тебя срубил нормально... Так что живи!

– Ну спасибо! – скривил я губы в язвительной ухмылке.

– Да не обляпайся...

Баян разлил по стопкам остатки коньяка. Не хотел я пить в одной с ним компании, но душа просила. А в холодильнике стояла еще одна бутылка такого же коньяка. Неплохо упаковался Лева, отправляясь на свидание.

А может, он споил Крестину? Может, напоил до невменяемого состояния и...

Я резко вскочил и рванул в прихожую.

– Эй, ты куда? – выкрикнул Лева, но сам оставался на месте.

Я распахнул дверь в спальню и увидел Крестину. Она сидела в домашнем халате за трюмо и красила губы. Вид вроде бы спокойный, но движение руки нервное.

– Ну, и как это объяснить? – процедил я затяжелевшим вдруг языком.

– А я тебе клялась в верности? – дрожащим голосом спросила она, не глядя на меня.

– Не, ну, я понимаю, что ты в поисках, но кого ты нашла! Он же уголовник!

– И чо? – раздался за спиной злой голос Баяна. Он стоял на расстоянии удара, лицом ко мне, и крутил в пальцах знакомый уже кухонный нож. – Если сидел, то уже не человек?

– Так еще сядешь... – усмехнулся я. – Кристина, ты хоть понимаешь, что он людей на деньги разводит!

Кристина медленно поднялась с пуфика, с кислым выражением посмотрела на меня:

– Я сама как-нибудь со всем этим разберусь.

– А может, вы в сговоре?

– Оставь ее! – схватил меня за руку Лева и потянул за собой в кухню.

Я шел за ним, напряженно наблюдая за его рукой, в которой он держал нож. Надо бы успеть поставить блок, если он вдруг решится ударить...

Но Лева не стал меня бить. Мы сели за стол, он снова налил мне и себе. Кристину не звал, к столу не приглашал.

– Ты для нее не вариант, – с усмешкой сказал он, – потому что ты женатый. А я холостой. И при деньгах... А бабе все равно, откуда мужик берет деньги.

– А ты мужик?

– Не понял? – вскинулся Баян.

– Ну, я думал, ты блатной...

– А ты что, понятия имеешь? – хищно сощурился он.

– В смысле?

– Срок мотал, в теме был?

– Не мотал.

– Тогда и нечего... Это там блатные мужики, черные и серые... Есть еще красная масть и голубая... Понимаешь, о чем я? – Лева снова потянулся к бутылке, и мы выпили.

– Зона – это такое дело, – с умным видом продолжил он, – там накосячить, как два пальца об асфальт. Что-то не так сказал, и все. Или опустят, или на нож. А могут сначала опустить, а потом на нож... А можно жилы рвать, правильно все делать и все равно не подниматься. Ты мужик по жизни, тебе блатным никак не стать, лучше на месте стой.

– Да нет, я лучше вперед буду двигаться. И не в зоне. Мне туда не надо.

– Ну, я бы от тюрьмы не зарекался. Сегодня здесь, завтра там.

– Это у тебя?

– И у меня, и у тебя может быть. Говорю же, не зарекайся... Мне-то что? Я там свой. А ты чужой. Там следить за собой надо, за каждым словом, за каждым шагом. Главное, никому не верь и ничего ни у кого не проси. Ну, и бояться не надо... Ты вот меня боишься, и я это чувствую, потому и пру на тебя как танк. И там тебя задавят...

– Не боюсь я тебя, – буркнул я в ответ. – И туда не собираюсь... И вообще, пора мне.

Я стал подниматься, но Лева опустил руку на мое плечо:

– Не уважаешь? – И снова налил.

– Ну, если по одной...

Мы выпили. Закурили. Я понял, что не уйду, пока не опустеет бутылка. Впрочем, там оставалось немного.

– Может, хватит? – спросила появившаяся в дверях Кристина.

К кому конкретно она обращалась, я не знал, потому что не смотрел в ее сторону. Умерла так умерла.

– Не хватит. Мы тут на мировую, это святое, – мотнул головой Лева.

Я с интересом посмотрел на него. Если он так говорил, значит, чувствовал свою вину передо мной. Может, он и деньги мне вернет? Ну, хотя бы половину...

– А я думаю, расходиться пора.

– Толик уйдет, а я останусь... Или ты что-то имеешь против? – с агрессивным возмущением спросил Баян.

Кристина, ничего не ответив, повернулась и ушла. Я скривил губы в презрительной улыбке. Пусть убирается!

Бутылка опустела. Лева взял ее за горлышко, качнул перед собой на пальцах, поставил на пол. Открыл холодильник, достал оттуда початую бутылку водки.

«Беленькая» не могла быть достойной заменой хорошему коньяку, но мне уже было все равно.

Бутылка опустела очень быстро, а продолжения не последовало. Лева попробовал подняться, но, устало махнув рукой, опустил голову на руку. Зато я не собирался терять лицо, что называется, в салате. С презрением глянув на Леву, поднялся... вставил ключ в замок зажигания, завел двигатель.

Непонятно, как я оказался в своей машине. Вроде бы только что поднялся из-за стола – и уже за рулем. И двигатель уже заведен.

Не мог я ехать домой в таком состоянии. Не мог, потому как пил не с кем-то, а слевой. А это значило, что по пути домой меня обязательно остановит гаишник. А денег нет, чтобы расплатиться... К тому же я стремительно засыпал...

Глава 5

Разве пьяный водитель не имеет права просто находиться в своей машине? Если бы я ехал и меня остановил гаишник, тогда никаких вопросов. Но я всего лишь спал, и мне совсем непонятен был интерес, с которым смотрел на меня усатый парень в полицейской форме.

Да и не пьяный я. Потому что проспался. Утро уже, и пьяная ночь позади. А за окнами машины маячил все тот же дом, где жила Кристина.

– Сержант, какие-то проблемы? – возмущенно спросил я. Не нравилась мне озлобленная возмущенность на сермяжной физиономии этого олуха.

Все бы ничего, но этот тип вдруг вытащил из кобуры пистолет и, передернув затвор, навел его на меня.

– Сидеть! Не двигаться! – скомандовал он. И вдруг крикнул, обращаясь к кому-то: – Товарищ капитан! Тут убийца!

Я заметил, что неподалеку от моей машины стоял полицейский «уазик», а у подъезда курил офицер, разговаривавший с человеком в штатском.

Этот в штатском и направился ко мне, а офицер потянулся за ним.

– Эй, сержант, что за дела? – с ужасом посмотрел я на усатого.

Но тот молчал, свободной рукой нервно снимая с пояса наручники.

– Что тут такое? – Мужчина в штатском глянул на меня через открытую дверцу, и его квадратное лицо вытянулось ромбом.

Оказалось, что он увидел кровь на моей рубашке. И на руках у меня была кровь. А на соседнем сиденье валялся окровавленный нож. Теперь понятно, почему меня взяли на прицел...

– Спокойно, гражданин! Спокойно! – взывал капитан в штатском.

О каком спокойствии можно было говорить, когда такое дело?

– Сам руки подставишь или как? – спросил офицер.

Я понял, что сопротивляться бесполезно, и протянул вперед сомкнутые руки. Но в то же мгновение меня пронзила страшная мысль: что, если я кого-то убил и меня ждет пожизненное заключение? Уж лучше сбежать, спрятаться в какой-нибудь заброшенной деревеньке и жить там тихонько, не привлекая к себе внимание. Уж лучше в медвежьем углу жить, чем в колонии особого режима.

В ужасе от происходящего я дернулся, пытаюсь убрать руки. Надо выскочить из машины, растолкать ментов и наутек... Но капитан, как оказалось, предугадал мои действия. Он мертвой хваткой вцепился мне в руки, выдернул из-за руля, и я упал на землю животом вниз. Сначала за спину мне заломили одну руку, затем другую, а там и стальные браслеты подоспели...

Меня обыскали, отобрали травматический пистолет, документы. Затем поставили на ноги, повернув лицом к машине.

– Откуда нож? – спросил капитан.

– Без понятия.

– А кровь на одежде? На руках?

– Не знаю.

Я зажмурил глаза. Уж очень напряг меня вчерашний провал в памяти. Помню, как поднимался из-за стола, а дальше пустота. Очнулся в машине. А что было в пустоте? Может, я зарезал Баяна? А может, Кристину? А может, их обоих?

– Кого-то убили? – спросил я.

– А с чего вы взяли? – Капитан махнул рукой, отгоняя от себя кого-то из своих коллег.

– Ну, вид у вас такой, как будто кто-то умер... Как будто Москва выгорела.

- Что вы делали в машине, гражданин Ромин?
- Спал! Сел в машину и заснул.
- А где были?
- В гостях.

Капитан спросил номер квартиры, я ответил, и вокруг меня зазвенела готовая к взрыву тишина.

И она взорвалась. Оказывается, в квартире номер сорок восемь был обнаружен труп мужчины. Причина смерти – множественные ножевые ранения. И нож у меня в машине, и на руках кровь. Оставалось только признать свою вину, и для этого меня отправили в отделение полиции.

Кровь на руках, нож в машине, труп в квартире... Это все сон. Сейчас я проснусь, и окажется, что ничего такого наяву не происходило.

Да, мы пили слевой, потом я отправился домой. Да, у меня был провал в памяти, но, когда я садился в машину, ножа не было. И не засыпал я в машине. Вернее, заснул, но тут же проснулся и осторожно отправился домой. Приехал поздно и, чтобы не будить жену, лег на диван в каминном зале. Там я сейчас и лежу. В полусне. То есть я еще сплю, но уже соображаю. И просыпаюсь...

Я открыл глаза и увидел над собой плохо выбеленный потолок. А у меня в зале потолок подвесной, там встроенные лампочки тянутся гирляндами и по периметру, и крест-накрест. И стены у меня не выкрашены в зеленый цвет. И диван у меня мягкий, а здесь какая-то сваренная из железных уголков койка с дощатым настилом.

Я резко вскочил, сел, обхватил голову руками и застонал сквозь зубы, глядя на железную дверь с зарешеченным окошком и унитаз рядом с ней. Нет, не дома я, а в камере изолятора, где меня заперли и где я заснул с надеждой проснуться дома в теплой постели.

В камере недавно сделали ремонт – потолок и стены побелили, железные основания шкафов покрасили и унитаз новый поставили. Краской здесь пахло, а не парашей. Но все-таки я в тюрьме, а не в гостинице. Пусть это всего лишь изолятор временного содержания, но я уже в заключении – по обвинению в убийстве.

И не зря Лева рассказывал мне вчера про тюрьму. Как в воду он глядел!

Да, я в тюремной камере, меня изолировали от общества, как особо опасного преступника. Я помнил, как меня привезли в отдел, как оформляли на постой в изолятор временного содержания. Отпечатки пальцев снимали, кровь с рук и с одежды брали на экспертизу. И еще из вены брали кровь на анализ... Долгая процедура была, нудная, и мне все время хотелось спать. И я заснул, как только оказался в камере. Но теперь мне уже не до сна. Какой сон, когда жизнь рушится?

Дверь открылась, и парень в полицейской форме велел мне выйти из камеры. Он отконвоировал меня в кабинет на втором этаже, к человеку в штатском, с непримиримо суровым выражением лица. Я с удивлением узнал в нем своего бывшего одноклассника. Вадим Толстоногов смотрел на меня, как Дзержинский на ярого антисоветчика.

– Ну, здравствуй, Анатолий Васильевич, – сухо сказал он.

К своим тридцати шести годам Вадим стал первоклассным юристом. В том смысле, что звание у него – юрист первого класса. В переводе на более понятный язык, он был всего лишь капитаном, даже до майора не дослужился. Но уж лучше быть юристом первого класса, чем подозреваемым в убийстве... Хотел бы я оказаться на месте Вадима, но, увы, это невозможно.

Я кивнул в знак приветствия. Хотел поздороваться в голос, но спазм в горле не давал говорить.

– Плохи твои дела, Толик, – чуть смягчился Вадим.

Он и в школе ничем не выделялся. Отличником не был, но и в двоечниках не числился. Вроде бы не хулиганил, с учителями не заедался, со сверстниками без проблем. В волейбол хорошо играл, но у нас больше в почете баскетбол был, а в этом он не преуспел.

После школы отслужил армию, какое-то время работал сержантом в милиции, потом поступил в юридический институт на заочный. В прокуратуру следователем его взяли в двадцать семь лет. За девять лет с младшего юриста он дослужился до «первоклассного»...

Я бы этого ничего и не знал, если бы не обращался к нему за помощью. В последний раз это было в связи с Баяном. Знал бы я тогда, чем вся эта история закончится...

– А чем они плохи, Вадик? – хмуро посмотрел я на Вадима.

– А ты не знаешь?

– Ну, знаю. В сорок восьмой квартире чей-то труп нашли.

– Чей-то?.. Левы Баянова там труп. Знаешь такого?

– Не знаю, – вздохнул я.

– Толик, я же с тобой нормально, давай и ты не будешь темнить, – нахмурился Вадим. – Не надо мне тут тень на плетень... Я же узнавал для тебя, кто такой Лева Баян.

– Ну, Леву Баянова я знаю. А труп его – нет. Ты же про труп спросил.

– Давай без этого! – Вадим покрутил над головой растопыренными пальцами. – Я с тобой нормально... А ты бы пользовался этим... Другой следователь с тобой церемониться не станет.

– Другой следователь?

– Я на место происшествия выезжал, пока это дело на мне, но могут и другого следователя назначить. И назначат, когда выяснится, что мы с тобой в одном классе учились. Тогда я тебе ничем помочь не смогу.

– А чем ты сейчас помочь можешь? Ты же уверен в том, что я Баяна убил.

Вадим отвел в сторону взгляд и нервно постучал пальцами по столу.

– Так, давай по порядку. Зачем ты приходил к Баянову?

– Я не к Баянову приходил. Я приходил... – Я на мгновение задумался. Нужно ли называть Кристину своей любовницей? – Ну, я к женщине приходил. Кристина ее зовут. А Лева у нее был... Он же нарочно, я знаю.

– Что – нарочно? Что знаешь?

Я понимал, что мне придется выложить всю историю о своих взаимоотношениях с Левой. Рано или поздно следствие узнает и о Марине, и о Кристине, с которыми я спал. И моя жена об этом узнает, чего я не хотел... А может, Варя ничего и не узнает, если Толстоногов скроет от нее деликатные моменты этого дела.

– Не хотелось бы, чтобы жена узнала о Марине. Ну, и о Кристине...

Какое-то время Вадим смотрел на меня в напряженном раздумье, затем сказал:

– Обещать ничего не могу, но я постараюсь. Тем более что ты уже обращался ко мне. Историю с твоей Мариной я знаю. И о твоих проблемах с Баяновым... А насчет Кристины хочу послушать.

– А что там слушать?

Я рассказал все без утайки. Как познакомился с Кристиной, как сошелся с ней, как в наши отношения встрял Баян. И про пьянку в ее квартире скрывать не стал.

– Понимаешь, выпить вдруг захотелось. С горя. И от обиды... Этот Баян переиграл меня по всем статьям, – вздохнул я.

– Выпил? – криво усмехнулся Вадим.

– Выпил – это мягко сказано. Вырубило меня. Как из дома выходил, не помню...

– И как Баянова зарезал, тоже не помнишь, да?

– Да нет, не убивал я его. Я же хорошо помню, как в машине очнулся. Не было ножа в машине. И руки чистые были. Это я точно помню.

- А что не точно помнишь?
- Как ночь прошла, не помню.
- Баянова зарезали обычным кухонным ножом.
- Ну, я помню этот нож. Баян мне угрожал им. Ну, не то чтобы угрожал... Хотя угрожал... Схватил нож, я, говорит, сегодня с Кристиной, а завтра с моей женой. Ну, типа того, если вдруг что, он меня этим ножом...
- А этим ножом – ты его. Чтобы он к твоей жене не лез, так? – сверлящим взглядом смотрел на меня Толстоногов.
- Не убивал я Леву, – покачал я головой.
- Не помнишь, как убивал.
- Когда в машину садился, не было ножа...
- А не уехал почему?
- Так пьяный был, куда ехать?
- А может, ты собирался вернуться к Баяну?
- Да нет, не собирался.
- Не собирался, но вернулся. Он открыл тебе дверь, а ты его ножом в печень...
- Я не помню.
- Плохо.
- Почему?
- Если не помнишь, то и сильного душевного волнения не было. А сильное душевное волнение – это твой шанс.
- Сильное душевное волнение?
- Состояние аффекта. Ты мог убить Баянова в состоянии аффекта. А это всего до трех лет лишения свободы. Аффект может вызвать насилие, издевательство или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего. – Вадим полистал Уголовный кодекс, нашел нужную статью. – Все правильно, насилие, издевательство, тяжкое оскорбление... Есть еще и психотравмирующая ситуация. Ты говорил, что Кристина была твоей любовницей, а Баянов с ней спал...
- Говорил, – кивнул я, с трудом проталкивая слова через пересохшее горло. – Можно? – И, не дожидаясь ответа, взял со стола графин, стакан.
- Вот тебе и психотравмирующая ситуация... К тому же поведение потерпевшего можно отнести к систематически противоправному и аморальному. Шесть лет за разбой, вымогательства, шантаж... Поверь, это выход из ситуации.
- До трех лет лишения свободы?
- Один год – это тоже до трех лет. А можно и химией отделаться, хотя вряд ли. И на условный не надейся... Врать не буду, все три года влепят. И это, считай, повезло. В советское время аффект практически не рассматривался, статья была, и на практике как за умышленное убийство сажали. А сейчас можно через аффект выкрутиться. Если адвокат хороший. Тем более у тебя ситуация располагает... Вернее, предполагает.
- Шарики в моей голове крутились со скрипом, но все-таки я понимал, что три года лишения свободы лучше, чем пожизненное заключение. Но и три года – это тоже не сахар.
- Но я ничего не помню.
- Если не помнишь, тогда за умышленное убийство сядешь. Состояние сильнейшего алкогольного опьянения вины не снимает, как раз наоборот. А твоя вина налицо, – сурово смотрел на меня Вадим. – Оружие убийства в машине, кровь на руках и на одежде. И я не буду отрицать твой интерес к персоне Баянова. Как помогал тебе выяснять насчет него, расскажу...
- Но я правда ничего не помню!

Я зажмурил глаза и, обхватив голову руками, закачался на стуле. Все правильно говорит Вадим – улики против меня. А ведь я действительно мог подняться в квартиру, а Лева – открыть мне дверь...

– Значит, надо вспомнить.

И я вспомнил. То, что в квартире была Кристина, вспомнил.

– А Кристина что говорит?

– Какая Кристина?

– Как это какая Кристина? – Я ошеломленно посмотрел на Толстоногова. – Я же говорил!

– Говорил, – кивнул он. – Только не было ее в доме.

– Как это не было? Должна быть. Это ее квартира!

– Не было никакой Кристины в доме. Когда прибыл наряд, в квартире был только труп.

– Ну, может, она растерялась, уехала... А кто полицию вызвал?

– Соседи. Дверь приоткрыта была, труп в прихожей лежал...

– В прихожей?

– Я же говорю, ты мог вернуться в квартиру и ударить Баянова ножом...

– Он мне открыл дверь, а я его ножом, да?

– Ну, вот видишь, уже вспоминаешь.

– А как я мог его ударить, если нож на кухне оставался?

– Ты помнишь, где оставался нож?

– Нет, я помню, что в машине у меня ножа не было. Я без ножа выходил.

– У тебя мог быть свой нож. Но эту версию лучше исключить. Баянова убили ножом из кухонного набора. Идентичные ножи остались в сорок восьмой квартире, а оружие убийства нашли у тебя в машине. Такая вот невеселая ситуация.

– И как из нее выпутаться?

– Не надо выпутываться. Расскажи, как все было. Расскажи, как ты застукал свою любовницу с Баяновым, как он издевался над тобой, вымогал у тебя деньги. Было такое? – Вадим смотрел на меня неподвижным, будто замерзшим взглядом.

– Ну, было.

– Ты пил с ним, но не напивался. Это важно. Ты должен помнить, как ударил его ножом. Как ударил и за что. Это очень важно. Если признаешь свою вину, будет следственный эксперимент, и ты должен будешь показать, как все было...

– Но я не помню!..

– Ничего, я помогу тебе восстановить картину. И следственный эксперимент подтвердит твою вину.

– Но я ведь не убивал!..

– Убивал! – ничуть в том не сомневаясь, отрезал Вадим. – Я это знаю точно, поэтому ты не думай, что я предлагаю подлог. Нет, я всего лишь помогаю тебе щадящий вариант. И только потому, что знаю, кто такой Баянов. Будь он законопослушным гражданином... В общем, давай без лирики. Если ты согласен признать свою вину, то я помогу тебе смягчить ее. Если нет, попадешь на умышленное убийство, это до пятнадцати лет. А если навесят отягчающие, уже «двадцатка» или даже пожизненное. А отягчающие обстоятельства на трупе. Восемь ножевых ран – это можно классифицировать как особую жестокость. Но если без жестокости, то пятнадцать лет – это немало, согласишься.

– Да это вся жизнь, – через силу выдавил я.

Нетрудно было догадаться, какой она будет, эта жизнь. Изолятор, суд, тюрьма, этап, зона – такая вот жизнь после смерти. После моральной смерти, которая запросто могла перейти в стадию физической. Нарвусь где-нибудь в камере на урку вроде Баяна, и насадят меня на нож...

А может, лучше самому в петлю? Эта мысль вдруг показалась мне заманчивой. Раз – и все проблемы решены...

Но тогда меня похоронят, и мое тело будут пожирать кишмя кишащие черви... Может, лучше все-таки сдаться и списать убийство Баянова на состояние сильного душевного волнения? Три года все-таки не так страшны, как вечность...

Глава 6

Тюрьма тюрьмой, а обед по расписанию. Аппетита особого не было, но мой организм уже настраивался на борьбу за выживание. А в этой борьбе свои правила. Например, если есть возможность поесть, обязательно сделай это. Хотя бы потому, что ужина может и не быть... Поэтому я оживился, когда за дверью послышалось движение. На допросе я уже сегодня был, прогулка будет ближе к вечеру, значит, побеспокоить меня собираются, чтобы накормить.

Еда в изоляторе невкусная, но, как мне объяснили, по сравнению со следственным изолятором здесь чуть ли не ресторанная роскошь. Еда сюда шла из гражданской столовой, где готовят для обычных людей, а не арестантов. В тюрьме готовят совсем по-другому, и продукты там далеко не те...

В принципе, не так уж и плохо было похлебать столовского борщеца с ложкой сметаны в нем...

Дверь открылась, и в камеру зашла Варвара. Вот уж кого я не ожидал здесь сейчас увидеть, так это ее.

Разумеется, Варя знала о моем аресте. И вещи мне в камеру еще позавчера передала. Но о свидании речи пока не было... Да и захотела бы она со мной видиться после того, что произошло?

Мне не хотелось, но я согласился на предложение Вадима и взял вину на себя. Но при этом официально признался в том, что Кристина и Марина были моими любовницами. А Варю вызывали на допрос и спрашивали, что знает она об этих женщинах. Такая вот петрушка – мелко нарезанная и как соль на мои раны.

Варя узнала все, только вот Кристина не желала соглашаться с тем, что спала со мной. Мне бы радоваться, но, увы, своими показаниями она ставила крест и на моей защите, и на мне самом. Оказывается, ни со мной она не спала, ни слевой. Со мной познакомилась в фитнес-клубе, но в гости не звала. Я сам пришел, без приглашения, и еще Баянова с собой привел. Мы устроили пьянку, она попыталась нас выгнать, но, поскольку из этого ничего не вышло, ушла сама. И подалась к матери, у которой находился ее ребенок...

Кристину можно было понять. Она устраивала свою жизнь, и ей не нужна была дурная слава. Но меня ее «невинность» могла утопить...

Но Кристина где-то там, а Варя здесь. И прическа у нее свежая, и макияж. Рубашечка на ней интересная, скрывающая жировую массу на животе, джинсы туго обтягивают длинные и все еще красивые ноги. Ей бы еще туфли на шпильке, но каблук средний. Прическа скромная, макияж спокойный, не кричащий. Она знала, куда шла. Она же не проститутка, которую купил заключенный, а жена, пришедшая на свидание с арестованным мужем. И поведение соответствующее, и вид...

Но при всей своей непритязательности Варвара выглядела необыкновенно хорошо. Вернее, непривычно. И заметная полнота, как мне казалось, практически не портила ее. И ноги у нее красивые, соблазнительной формы... Или она действительно похорошела с тех пор, как я ее не видел, или это во мне произошла переоценка ценностей. А может, и то, и другое.

Ломка понятий во мне действительно произошла. Раньше казалось, что я недостаточно успешен, и дом не так хорош, и жена толстая. И Вите Булахову я завидовал... Я и сейчас ему завидовал, но исключительно потому, что Витя сейчас на свободе. А дом у меня прекрасный, и завод не такой уж маленький, и жена вовсе не так плоха, как я думал по непричесанной своей глупости... Вернуться бы домой с чистой совестью, жить и работать, как прежде. Жить

и работать в полное свое удовольствие. И жене бы слова плохого не сказал. И не гулял бы больше...

Но переоценка ценностей уперлась в глухой тупик. Ценности-то, может, и поменялись, а дело мое осталось без изменений. Сегодня утром мне предъявили обвинение в убийстве, а уже в ближайшее время будет этап, который отправит меня в следственный изолятор. И – прощай, Варвара... Сейчас она скажет, что проклинает меня за измены и берет развод. Развестись мы можем автоматически, сразу после приговора суда...

Но почему у Вари такие тяжелые сумки, если она собирается отречься от меня? И злости в ее глазах я не видел.

Я подошел к ней, поставил сумки на шконку. Хотелось обнять ее, но уместно ли это? Пока искал ответ на этот вопрос, Варя сама обняла меня и стала вдруг целовать – в щеки, в губы, в шею.

Я отстранился от нее, помог сесть и, переведя дух, произнес:

– Жуть, как по тебе соскучился.

– А по Кристине? – Вопрос прозвучал спокойно, без истерического надрыва, но уж лучше бы она закричала.

– Нет... – опустил я голову. – И по Марине тоже.

– Скажи, что это было ошибкой.

Варя не требовала, а просила, но вид у нее был вовсе не умоляющий. Она смотрела на меня без вызова и злости, но я бы не назвал ее взгляд мягким.

– Это было ошибкой, – выдал я. – Сам не знаю, как вышло. Не хотел, а вышло...

Судя по ее настроению, Варя должна была мне поверить.

– Все ты хотел. И все ты знал... Я тебе надоела? – без всякого упрека спросила она.

– Нет, конечно... У меня и в мыслях не было с тобой разводиться...

– Плохо.

– Плохо, что не разводиться? – похолодел я.

– Нет, плохо, что тебя занесло... Обещай, что больше не будешь, – мягко потребовала она.

– Да не вопрос! Конечно, не буду!

– Я разговаривала с твоей Кристиной... – как о чем-то вполне обыденном, вдруг сказала она.

– Ты?! С ней?! – Я озадаченно уставился на Варю.

– И с Толстоноговым говорила...

– Ну, он же допрашивал тебя, – кивнул я.

Увы, но Вадим оказался прав. Его отстранили от дела, и сейчас мной занимался другой следователь. Но версия об убийстве в состоянии аффекта не изменилась. И адвокат работает в том же направлении. Хороший адвокат, дорогой. Варя об этом позаботилась.

– Не перебивай... В твоём деле нужно убить двух зайцев. Ревность и тяжкое оскорбление. И оба этих зайца бегут к этой Кристине...

– Ты прямо как следователь, – с грустной усмешкой заметил я.

Варя действительно выглядела сейчас как официальное лицо – строгая, сухая и даже слегка отчужденная. Не помнил я ее такой...

Мы познакомились восемь лет назад. Она работала в обычном продуктовом магазине, в который я зашел совершенно случайно. Может, мы бы и не познакомились, если бы не какой-то алкаш, который вдруг начал оскорблять Варю. Дескать, сдачу она ему неправильно дала. Она мне тогда показалась тихой, беззащитной, даже слова не сказала этому козлу. Неудивительно, что я решил за нее вступить. Алкаша можно было урыть, что называется, не отходя от кассы, но я не захотел устраивать склоку. С барского плеча отвалил ему недостающую десятку и в грубой форме, хотя и без мата, послал к Макару с его телятами...

- Я не следователь, – с самым серьезным видом покачала она головой. – Я твой адвокат.
- У меня есть адвокат.
- Один адвокат хорошо, а два – лучше, – улыбнулась Варя.
- Два зайца, два адвоката... По адвокату на каждого зайца, – невесело заметил я.
- А зайцы бегут к Мусатовой. Ты застал ее в постели с Баяновым, приревновал. Баянов мог бы извиниться, но он, напротив, стал тебя оскорблять. И выпить заставил. И еще глумился над тобой, сказал, что и с женой переспит, и с дочками... Так было?
- Так все и было на самом деле. Про дочерей он не говорил, но про тебя сказал. Сегодня, сказал, с Кристиной, завтра с тобой...
- Я не знаю, что говорил тебе он, но знаю, что сказала Мусатова. Она не хочет подтверждать твои слова...
- Есть такое, – уныло кивнул я. – Не хочет быть сорокой-белобокой.
- Белобокой?
- Этому дала, этому дала... Она замуж хочет, а кто ее такую возьмет?
- Это ее проблемы, – отрезала Варя.
- Ее проблемы зарывают меня в землю.
- Не зароят. Она скажет правду.
- Почему ты так думаешь?
- Потому что у нее соседи есть. И они видели, как Мусатова таскала к себе Баянова... – пренебрежительно произнесла Варя. – Реальность расходится с официальными показаниями, за такое дело и срок можно схлопотать.
- Ну да, за дачу ложных показаний, – в раздумье обронил я. – А что, соседи свечку держали?
- Нет, – строго посмотрела на меня жена.
- Тогда чего Кристина испугалась?
- Не важно, что у них с Баяновым было, важно, что она соврала следствию. Она говорила, что Баянова привел ты, а соседи утверждают, что Баянов бывал у нее и раньше.
- Ну, если так...
- Все так. Ты приревновал Мусатову к Баянову, он сказал, что залез к ней в постель нагло тебе. Опять же, Баянов вымогал у тебя деньги. Его сестра это подтверждает...
- Марина тоже упиралась, выгораживая покойного брата, но на нее надавил Толстоногов. Прижал триста седьмой статьей и расколол на признание. Правда, она сказала, что это был единичный случай, дескать, раньше Лева так никогда не поступал. Но в это можно было поверить с таким же успехом, как и в то, что Баянов никогда не сидел...
- Ты все правильно сделал, Толя, – покивала Варя. – Все правильно. Подставили тебя так, что не отвертишься. Легче все взять на себя...
- Подставили?! – Я удивленно посмотрел на жену.
- Я сказала, что подставили? – спохватилась она.
- Да, ты так сказала... Почему?
- Ну, есть основания так думать, – не очень уверенно ответила Варя.
- Какие основания?
- Я говорила с людьми, нашла свидетелей... Одна женщина видела, как к твоей машине подходил какой-то человек. Он открыл водительскую дверцу, но в машину садиться не стал. Сунул внутрь голову, повозился там и ушел...
- Когда подходил?
- В ту ночь, когда убили Баянова. Ты спал в машине, этот человек подошел к тебе. А зачем он подходил? Если бы у тебя бумажник пропал или еще что-нибудь. Но у тебя ничего не пропало, наоборот, прибыло.
- Прибыло?

– Нож прибыл, кровь... Нож подбросить могли. А кровью испачкать.

– Ты думаешь?

Меня, правда, не очень удивляла Варина активность. Она – детдомовская, а жизнь в детдоме трудная и грубая, хочешь – не хочешь, а научишься работать локтями. Классический случай, когда нужно крутиться, чтобы выжить. Поэтому детдомовский народ боевитый и деловитый. Пока все было хорошо, Варя вела себя тихо, спокойно и даже меня прощала, подозревая в изменах, а как жареный петух клюнул, включился инстинкт самосохранения. Она готова была и дальше прощать, но без меня оставаться не хотела. Отсюда и вся эта самодеятельность. Она не просто искала выход из ситуации, она боролась за меня. Поэтому и Кристину вынудила дать нужные мне показания.

И путь она правильный выбрала. Пытаясь разыскать свидетелей против Кристины, нашла женщину, которая помогла раскрыть заговор против меня.

– В этой жизни все возможно, – задумчиво проговорила Варя. – Но кому понадобилось тебя подставлять?

– Кому?

– А это не ко мне вопрос, – пожала она плечами.

– Там подстава с самого начала была, – кивнул я. – Марина заманила в ловушку, а Баянов меня прихлопнул.

– И у него, я так понимаю, все получилось.

– Ну да, он получил свои деньги. Сказал, что больше не надо...

– Может, он так решил. А может, кто-то считает, что тебя еще доить и доить, – вслух подумала Варя.

– Кто? Был с ним какой-то пацан, они вдвоем к Марине приходили. И тот дефективный, и тот.

– Как зовут второго?

– Деготь вроде был. Я его больше не видел... Да и не стал бы он своего дружка убивать. Зачем? Из-за того, что он мало с меня взял? Так легче меня было дожать, чем Баяна убивать...

– А может, не из-за тебя проблема? Может, они свои проблемы решали?

– А меня тогда зачем подставлять?

– А ты в машине спал. И дверца у тебя открыта была. Заходи, кто хочешь, клади, что хочешь, – ехидно усмехнулась Варя.

– Вот на меня и положили...

– И что теперь делать?

– А свидетель, ну, женщина эта, показания дала?

– Нет. И не надо.

– Почему?

– А она видела, как тебе нож подкладывали? Нет, не видела. К тому же старая она, и со зрением у нее плохо. Прокурор от ее показаний камня на камне не оставит. А тебя за умышленное убийство посадят. Лет на пятнадцать... На состояние аффекта нужно давить. – Варя сказала об этом не очень уверенно, но, кажется, все же не сомневалась, что это единственно правильный вариант. – В эту точку и надо бить. Толстоногов хоть и козел, но делает все правильно.

– Толстоногов – козел? – спросил я, с веселой насмешкой глянув на Варю.

– Я так сказала? – смутилась вдруг она.

– Сказала.

– Ну, он не козел... Просто ему нужно убийство раскрыть... Ему-то какая разница, какой у тебя был мотив?

– Ну да, меня закроют по-любому, – кивнул я. – Но лучше пусть закроют на три года...

– Ты сильный, ты выдержишь, – с жалостью посмотрела на меня Варя.

– А ты сильная?

Голос ее задрожал, на глаза навернулись слезы.

– Да. Я буду тебя ждать. И дождусь. Ты даже не сомневайся...

Глава 7

Темная аура тюрьмы не просто чувствовалась, она впитывалась всеми фибрами души.

Я хорошо помнил, с чего начиналась история, которая привела меня сюда. Я стоял у окна с бокалом вина в одной руке и сигаретой – в другой. Стоял, разморенный разнузданным сексом, и смотрел на здание следственного изолятора. Я уже тогда почувствовал эту темную, насыщенную человеческими страданиями ауру, но все это находилось где-то там, далеко. А сейчас я сам здесь, и ужас перед будущим рвал на части мою душу. Еще тогда я представлял, в какой тесноте и духоте сидят арестанты, а сейчас меня самого держат в этом аду...

Спасибо Вадиму – в изоляторе временного содержания ко мне в камеру никого не подсылали. Но здесь, в тюрьме, Толстоногов – палочка без нолика, и мне никто не поможет. Я уже прошел через долгий и нудный этап оформления, провел ночь в сборной камере, была помывка в так называемой бане, мне выдали «скатку» – одеяло, белье и посуду, завернутую в матрас. Позади с жутким скрипом закрывались одни решетчатые двери, впереди распахивались другие. Я шел по тюремному коридору мимо железных дверей, за которыми заключены были человеческие судьбы и страдания. Вот-вот одним мучеником в этом аду станет больше.

В сборной камере меня никто не донимал. Там не было прожженных и отмороженных уроков, которые могли бы доставить мне массу неприятностей. Там вообще не было серьезных людей – парочка уличных гопников не в счет. Эти ребята дрожащим от волнения голосом рассказывали друг другу, какие жесткие порядки царят в нашей тюрьме, нагнетали страх, но при этом утверждали, что ничего не боятся. Дескать, они люди бывалые. Только вся их бывалость пузырилась у них под носом.

Но порядки в изоляторе действительно жестокие. Новичков в тюремных камерах испытывают на прочность, берут «на прописку», заставляя колоть себя вилкой в глаз и прыгать с верхнего яруса в тазик с водой. И никакая доморощенная крутость не поможет мне пройти столь дикую и неоправданно жестокую процедуру. А не пройду – опустят, и буду я хлебать помои под шконкой. Чтобы «прописаться», опыт нужен и связи, а у меня ни того, ни другого. Зато на мне грех убийства – и не абы кого, а Левы Баяна, известной в этом миру личности. Как бы не нарваться на его дружка или на какого-нибудь утырка, который шутки ради назовется его корешом...

Скученность в камерах, духота, вонь и безнадега – в таких условиях любой, даже самый правильный, уркаган озверевает. Да и тяга к зверским зрелищам у человека в крови, а у нелюдей – тем более. А сколько здесь нелюдей – мянъяков, убийц, насильников. Именно здесь их и больше всего.

Сейчас зайду в камеру, и обрушатся на меня упыри и вурдалаки всех мастей, и какими кругами себя ни очерчивай – сожрут, переварят и вывалят...

– Стоять! Лицом к стене!

Обычно такая команда следовала, когда конвоир подводил меня к решетчатому «шлюзу», за которым начинался очередной отсек с камерами. Но сейчас меня ткнули носом в стену возле тюремной камеры.

Тумбочка в отсеке, доска документации, жирный, плохо выбритый мужик.

– Микола, принимай новичка! – фамильярно обратился к нему конвоир.

– В какую? – неторопливо поднимаясь со своего места, спросил толстяк.

– Триста двадцать шестая.

– У-у! Не повезло, – сочувствующе глянув на меня, покачал головой контролер.

Меня и без того трясло от страха, а тут еще удар под самый дых. Не повезло мне. Как будто где-то могло повезти, а здесь нет. Неужели триста двадцать шестая – самая отмороженная на весь изолятор камера? И почему мне досталась именно она?

Надзиратель Микола расписался в какой-то ведомости, дождался, когда конвоир уйдет, только тогда вставил ключ в замочную скважину. Но открывать дверь не торопился.

– Как зовут? – спросил он.

– Толик.

– Ответ неправильный.

– Заключение Ромин Анатолий Васильевич, статья сто пятая...

– Инструктаж я тебе должен дать, заключение Ромин Анатолий Васильевич. Ну, что я могу тебе сказать? Не повезло тебе... Ну, да ладно, и без этого живут, – скорбно вздохнул он.

– Без чего «без этого»? – еле живой от страха проговорил я.

Уж не собираются ли меня обесчестить в этой злосчастной триста двадцать шестой камере? Но без чести долго не живут... Говорят, есть зоны, где «петухам» ноги отрубают по колено, а потом канкан плясать заставляют.

– Да ты не бойся, – усмехнулся Микола. – Здесь нельзя бояться. Тут оно как: боишься, боишься, а потом расслабился, очко раз – и ускакало. И не догонишь, как ускачет... Первый раз замужем?

– Замужем?

– А ты что, сам женихом хочешь быть? – ухмыльнулся надзиратель.

От страха у меня свело челюсти. Одно дело, предполагать, какой ад тебя ждет, и совсем другое – оказаться в нем.

– Это, у тебя в хабаре поточить есть что? – тихо и с оглядкой по сторонам спросил Микола.

– Ну, есть...

Надзиратель многозначительно промолчал. Он ждал, когда я сам предложу поделиться. А я совсем не прочь угостить этого борова. Глядишь, и откроет мне дверь, когда я буду ломиться из камеры. Достал полпалки сырокопченой колбасы. Правда, этот кусок мог бы мне пригодиться, чтобы умиловить соседей по камере, но слишком поздно я спохватился. Микола вырвал у меня колбасу, и она бесследно исчезла у него в руках.

– Ну, мужик, удачи тебе! – повеселел надзиратель.

– А может, мне в другую камеру? – дрожащим от волнения голосом спросил я.

– Ничего, и без телевизора можно жить.

Я уже знал, что на тюремном жаргоне означает «телевизор». Это и тумбочка, и шкаф, и даже камера для временно задержанных, которая насквозь просматривается из дежурной части РОВД. Может, здесь было еще какое-то толкование для этого слова? Может, это что-то такое, без чего может жить только реально опущенный, которому уже все равно?..

Железная дверь открылась и с лязгом стукнулась о блокиратор в полу камеры.

– Заходим!

Камера квадратов двадцать, три десятка шконок в три яруса, полсотни голых, потных и смердящих тел. Дикая теснота, невыносимая духота, жуткая вонь... Что-то в этом роде я ожидал здесь увидеть, но здесь все было по-другому.

Облупленные стены, серый от сырости потолок, голый бетонный пол, один-единственный унитаз без бачка – все это было. Шконки вдоль стен в два яруса, но их не так уж и много. Половину свободного пространства между спальными рядами занимали стол и две вмурованные в пол скамьи. Духоту разгоняли два больших вентилятора – они дули от окна в мою сторону. Пространство между крайними справа шконками занимал холодильник, над которым под потолком висел телевизор. На стенках висели и другие «телевизоры» – те самые тумбочки, о которых я только что думал. Пол хоть и бетонный, но его покрывал старый, затертый ногами ковер. Его здесь берегли, поэтому возле входа лежала мокрая тряпка для полов. Я уже знал, что ноги вытирать не просто нужно, а необходимо, поэтому потоптался на тряпке.

За столом сидели четыре арестанта. Двое играли в шахматы, а остальные смотрели, с важным видом давали советы. Один шахматист был в голубой тельняшке, с выколотовой эмблемой «ВДВ» на мощном, подернутом жирком, плече. Крупная голова, массивные и грубые черты лица, длинный крепкий нос, тяжелый подбородок. Второй шахматист куда попроще – худой, если не сказать тощий, и у этого длинный нос, но перебить его, казалось, можно было щелчком пальцев. Десантник обладал внушительной внешностью, а его соперник производил впечатление слабака-«ботаника», но это не мешало ему вести себя довольно-таки уверенно. Очки на нем, футболка на два размера больше, чем нужно. Два других арестанта занимали, если так можно сказать, промежуточное положение между десантником и «ботаником». И не атлеты на внешность, и не дохляки. В лицах ничего выдающегося, и руки наколками не истыканы. Обычные среднестатистические мужики, которых можно встретить на скамейках в парке – или за домино, или за бутылкой водки.

«Красавца» с наколками я заметил в дальнем от порога правом углу. Он лежал на шконке с закрытыми глазами в позе покойника. Изрезанное морщинами, грубое и темное от загара лицо, голый тощий торс с картинной на нем галереей. Какие у него татуировки, рассматривать было некогда, потому что ко мне обращался шахматист в тельняшке.

Спокойно и незлобливо глядя на меня, он с небрежной неторопливостью повел рукой в свою сторону.

– Толя, – неловко сказал я, вспомнив, что должен был представиться с порога. Но еще я должен был и поздороваться. – Мир вашему... – Мне показалось, что заготовленная фраза прозвучит пафосно и даже смешно, поэтому осекся и произнес только: – Здравсьте!

– Здравсьте, здравсьте, – снисходительно усмехнулся десантник. – По первому разу?

– По первому.

– Скатку бросай.

Как ни удивительно, но в камере имелись свободные места. Из десяти коек занято было всего восемь, остальные пустовали. Десантник показал мне на шконку возле холодильника. По большому счету, это было место возле параша, но я не блатной, мне претендовать на улучшение жилищных условий ни к чему. Главное, чтобы под шконку не загнали.

Я бросил матрас на шконку первого яруса. Вместо упругой спальной сетки настелены были железные полосы, грубо приваренные к уголкам каркаса. Но здесь у всех такие лежаки, так что роптать нечего.

Роптать я сейчас мог на жирного контролера, который раскрутил меня на полбатона колбасы. Сейчас бы это добро к столу выложить, на «общак». А так у меня только кусок сала остался, конфеты и печенье. Вдруг эти жалкие остатки покажутся братве обедками? Хотя вряд ли. Конфеты шоколадные, не из последних. Да и печенье много, целый пакет.

Я выложил на стол все, что у меня было.

– Это что, к чаю? – добродушно спросил десантник.

Он улыбался, располагая к общению, но с таким же успехом он мог сделать сейчас лютые глаза и ощериться по-волчьи. Чувствовалась в нем сильная личность.

– Ну, вроде как на «общак», – пожал я плечами.

– Ну, пусть будет так... Клим! – протянул он мне руку для знакомства.

Я пожал ее и сел на указанное место.

– По какой статье заехал?

– По «мокрой».

– Киллер? – усмехнулся Клим.

– А почему киллер?

– Да мужик ты фактурный. Чисто киллер. Да, Физик?

– Ну... – в легком смущении глянув на меня, кивнул очкарик. – Есть что-то...

– Да нет, у меня бытовуха...

– А по жизни чем занимаешься? – спросил Клим.

– Ну, по строительной части там...

– Бизнесмен?

– Ну, в общем, да.

– А чего так неуверенно? – засмеялся Клим. – Боишься, что бизнес отберем? Так мы не по этой части, браток. Мы люди мирные, и наш бронепоезд на запасных путях. Да, Физик?

– Ну, в общем, да.

Я внимательно посмотрел на очкарика. То ли случайно он повторил мою фразу, то ли это своего рода издевка? Но нет, не похоже было, чтобы «ботаник» по кличке Физик глумился надо мной.

Не таким уж оказался страшным живущий в этом омуте черт. Явно выраженный уголовник представлен здесь в единственном экземпляре, и Клим вел свой разговор без оглядки на него. А сам по себе он опасений не внушал. Ну, крутой, но желания глумиться над новичком нет. Да и силы за ним особой не наблюдалось. На киллера я, может, и не похож, но вид у меня действительно не дохлый. И выглядеть я мог так же круто, как и сам Клим. Если постараться, то мог. Но лучше обойтись без этого. Понты хороши для блатных, которым тюрьма – дом родной. Это их жизнь, а мне бы до лучших времен перекантоваться.

– Из коренных у нас только Саван. Вор он правильный, авторитетный. – Клим глянул на расписанного мужика уважительно, но без всякого пиетета. – За него я говорить не буду, он сам за себя скажет. Если надо будет...

Вор лежал без движения и смотрел на меня холодным равнодушным взглядом. Клим он, казалось, даже не услышал.

– А мы тут люди случайные. Так же, как и ты... Или для тебя здесь мать родная? – с благодушной усмешкой спросил Клим.

– Да нет, – мотнул я головой.

– Ну, тогда ты наш человек. Мужик. И я мужик. И Доктор у нас мужик. – Клим показал на своего соседа, круглолицего мужчину с широким, раздвоенным на кончике носом. – И Гарик мужик.

Доктор лишь кивнул мне, а Гарик, полноватый парень восточной внешности, протянул мне руку. Я пожал ее и мельком глянул на Савана. Он продолжал смотреть на меня, но взгляд его не изменился.

– Все мы тут мужики, – сурово глядя на меня, продолжал Клим. – За некоторыми и, скажем так, почетными исключениями. Но законы у нас тут арестантские, и, если накосячишь, пеняй на себя.

Я кивнул. Дескать, все понимаю, да и косячить не собираюсь.

– Я смотрю, ты мужик не гнилой, поэтому бисер тут перед тобой метать смысла нет... В шахматы играешь?

– Да так, немного.

В шахматы я играть умел очень даже хорошо. Не болел ими, в кружке не занимался, но в городских соревнованиях участвовал. Даже до призового места доигрался, и второй юношеский разряд мне присвоили. Но сейчас мне не хотелось говорить об этом. И тем более играть.

Устал я очень, мне бы обосноваться на новом месте, отдохнуть. И Клим это понял.

– Давай, устраивайся. А потом подходи, чай будем пить.

Но я до чая просто не дотянул. Расстелился, лег на тонкий, с вырванной ватой, матрас поверх одеяла и тут же вырубился.

Телевизор мне спать не мешал. Во-первых, меня и пушка не смогла бы разбудить, а во-вторых, он просто не работал. Именно потому и не повезло мне, как сказал жирный Микола. Как оказалось, и без телевизора можно жить...

Что ж, в этом надзиратель был прав. Главное, что мне с камерой повезло, а все остальное – чешуя.

А с камерой мне, похоже, действительно повезло.

Глава 8

Встать, суд идет!.. От имени Российской Федерации... Судья оглашал приговор, и, будь у меня на голове волосы, они бы сейчас шевелились в такт жестким и суровым словам, которые вонзались в душу, как гвозди – в крышку гроба...

Лицо судьи расплывалось перед глазами, стены качались, почва уходила из-под ног. Я знал, что рано или поздно этот жуткий момент наступит, но в полной мере подготовиться к этому не смог. Мне казалось, что судья зачитывает приговор кому-то другому, а меня здесь как бы и нет. Сейчас кого-то приговорят к лишению свободы, под конвоем выведут из зала и отправят на этап, а я хоть и под впечатлением, но свободно пойду домой, где меня ждет любимая семья...

...Признать виновным по статье сто седьмой... Назначить Ромину наказание в виде лишения свободы сроком на три года с отбыванием в колонии общего режима...

Но покойником под крышкой гроба был я, а не кто-то другой. И в мою крышку вколо-тили три последних гвоздя, каждый длиною в год.

Я уже знал, что «загробная» жизнь существует, и даже провел в ней целых четыре месяца, но все равно состояние было таким, как будто меня отправляли в последний путь. И даже похоронный марш в ушах загудел...

Я поймал на себе взгляд жены. Варя смотрела на меня сочувствующе, но в ее глазах не было похоронной скорби. Она не хоронила меня, знала, что через два года и восемь месяцев я вернусь домой. А может, это случится и раньше. Сейчас, говорят, амнистия распространя-ется и на «мокрую» статью...

Три года лишения свободы. За убийство в состоянии аффекта... Именно такой срок мне и светил. И Вадим честно предупредил, что зальют мне по самые края. Ни условного срока не будет, сказал, ни ограничения свободы. И на два года лишения свободы надеяться нечего, не говоря уже о более маленьком сроке. Три года, и точка. Спасибо адвокатам, что удержали меня на сто седьмой статье. Не так уж это было и просто. И Толстоногов помог, и адвокат, и тому пришлось отстегнуть, и другому – процесс влетел в копеечку. И, как итог, три года лишения свободы.

Три года за убийство, которого я не совершал. Кто-то подставил меня, и сейчас этот кто-то живет в свое удовольствие, а я ухожу в потусторонний мир. Под конвоем ухожу. Варя крепится, старается хранить спокойствие, но слезы уже бегут по щекам...

Она будет меня ждать. И я должен сделать все, чтобы она меня дождалась. Это теперь моя главная цель. А страдания по поводу того, что меня осудили невинно, нужно засунуть в задний карман, зашив его суровыми нитками.

Тем более что, возможно, и не было никакого человека, который подбрасывал мне нож в машину. Возможно, Варвара выдумала его, чтобы я не чувствовал себя убийцей.

А она могла пойти на это, потому что любит меня. От всего сердца любит. И я обяза-тельно вернусь...

И снова за спиной лязгают решетчатые двери. Меня ведут по тюремному продолу. В тюремную камеру. Но это уже блок для осужденных. И отсюда меня могут забрать в насто-ящую тюрьму, в ту, в которой отбывают наказание. Но тюрьмы не будет, потому что меня приговорили к зоне общего режима. Туда меня и отправят – этапом, по железным путям, проложенным на костях каторжников...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.